

УДК 82-1/-9

Балаховская А.С.*(г. Москва)*ЛЕГЕНДЫ О СВЯТЫХ И ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА БИОГРАФИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АГИОГРАФИИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования жанровой формы византийского жития святого. Цель исследования – на материале агиографии Иоанна Златоуста определить историко-литературные факторы, повлиявшие на жанровые особенности поздних версий жития этого святого сравнительно с версиями более ранними. Задачей исследования является сравнительный анализ ранних и более поздних версий агиографических произведений, посвященных Иоанну Златоусту. Сравнение энкомия начала V в., «Надгробного слова» Иоанну Златоусту с биографией середины VII – начала VIII вв., «Житием св. Иоанна Златоуста» показало, что основным фактором, повлиявшим на формирование жанра биографии, были легендарные повествования о святом, послужившие одним из источников его жития.

Ключевые слова: византийская агиография, житие, жанр, энкомий, биография.

A. Balakhovskaya*(Moscow)*LEGENDS ABOUT THE SAINTS AND THE ORIGIN OF THE
BIOGRAPHIC GENRE (BASED ON HAGIOGRAPHY OF ST. JOHN
CHRYSOSTOM)

Abstract. The paper focuses on the problem of forming a genre form of a byzantine description of a saint's life. The purpose of the research is to find factors having influenced the genre features of the later versions of St. John Chrysostom's life descriptions compared with the earlier ones. The task of the research is to perform a comparative analysis of the earlier and the later versions of hagiographic works about St. John Chrysostom's life. The comparison of "Funeral oration" to St. John Chrysostom, the panegyric written at the beginning of the V century, with "Life of St. John Chrysostom", the biography created in the middle of the VII – the beginning of the VIII century, has shown that the main factor which influenced the formation of the biography genre is that the legendary narratives of the saints served as one of the sources of his life descriptions.

Key words: byzantine hagiography, life, genre, panegyric, biography.

Исследователю византийских агиографических текстов часто приходится встречаться с тем, что ранние редакции жития святого и его позд-

ние версии подчас совсем не похожи друг от друга. Дело не только в том, что многие факты жизни святого, фигурирующие в поздних редакциях его жития, отсутствуют в их ранних версиях. Сама литературная форма произведений ранней агиографии отличается от литературной формы произведений более позднего периода.

Цель настоящего исследования – на материале агиографии епископа Константинопольского Иоанна Златоуста (ок. 349–407) выяснить, какие историко-литературные факторы оказали влияние на формирование более позднего агиографического текста и в чём заключаются его жанровые особенности, по сравнению с произведениями ранней агиографии. Задачей исследования является сравнительный анализ ранних и более поздних версий агиографических произведений, посвящённых Иоанну Златоусту.

Существует ряд научных трудов об агиографии Иоанна Златоуста. В числе их авторов упомянем имена К. Баура [7–9], Ф. Алкэна [13], П. Дэвоса [12], Ф. ван Оммеслеге [15–18], С. Пасхалидиса [6; 19]. Однако созданные ими работы носят, главным образом, исторический и источниковедческий характер, и проблемы литературной динамики агиографии Иоанна Златоуста в них не рассматриваются. Задачей же нашей статьи является именно литературоведческий анализ агиографических произведений, посвящённых Иоанну Златоусту.

Иоанн Златоуст, епископ Константинопольский, прославленный моралист и проповедник конца IV–начала V вв., всего несколько лет возглавлял Церковь Константинополя. Призывая паству к исправлению жизни, проводя церковные преобразования, он натолкнулся на сопротивление клира, епископата и власти, добившихся его низложения с церковного престола столицы, а затем – ссылки. Через тридцать лет после кончины епископа, произошедшей в ссылке, его мощи были возвращены в Константинополь. С тех пор не прекращалось его церковное почитание, что нашло отражение в посвящённых ему агиографических произведениях.

Одну из ключевых позиций в развитии агиографии Иоанна Златоуста занимает его житие, надписанное именем архиепископа Георгия Александрийского (620–630) [1, р. 69–285]¹. В отличие от ранних агиографических произведений, посвящённых Златоусту, «Диалога с Феодором, римским диаконом» Палладия Еленопольского и «Надгробного слова» Псевдо-Мартирия Антиохийского, созданных в начале V в очевидцами жизни святого, житие было создано в середине VII – начале VIII вв. [5, с. 88–93] агиографом, жившим несколько веков спустя после прославления Иоанна Златоус-

¹ Полное название памятника: Γεωργίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐξήγησις ἧτοι βίος καὶ πολιτεία καὶ θαύματα τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν καὶ οἰκουμενικοῦ διδασκάλου καὶ ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου.

та в сонме святых. Автор произведения стремился объединить в связное и исторически последовательное повествование все доступные ему источники, рассказывавшие о знаменитом епископе.

Георгий, епископ Александрийский, согласно исследованиям К. Баура [7, с. 3–4], не был автором этого произведения. Учёный полагает, что оно было написано неизвестным агиографом, которого в дальнейшем мы будем именовать Псевдо-Георгием.

Произведение Псевдо-Георгия носит компилятивный характер и основано на разнородных источниках. В его основу положены, во-первых, обширные фрагменты «Диалога» Палладия Еленопольского [3], «Церковной истории» Сократа Схоластика [4] и других известных литературных источников, а, во-вторых, легендарные народные сказания об Иоанне Златоусте [7, р. 7–15; 5, с. 94–167].

В заголовке «Жития», созданного Псевдо-Георгием, указано, что оно представляет собой биографию святого ($\beta\iota\omicron\varsigma$ καὶ πολιτεία). При этом по своей структуре произведение очень близко к форме энкомия или похвального слова.

В античной словесности энкомий писался в честь знаменитых людей, императоров, полководцев. Одним из наиболее известных и популярных риторических трактатов, созданных в период второй софистики, в котором описывались правила составления энкомия, был трактат «Περὶ ἐπιδεικτικῶν» («О торжественном красноречии») ритора Менандра, жившего в конце III в. н.э. Общая структура «чистого энкомия» изложена в разделе «Βασιλικὸς λόγος» («Царская речь») этого трактата [14, р. 80–95].

Согласно Менандру, энкомий начинается со вступления ($\tau\grave{\alpha}$ προοίμια) и далее строится в согласии со следующими топосами: страна, город, народ, из которых происходил герой энкомия (πατρίς , πόλις , ἔθνος), происхождение героя ($\tau\grave{\alpha}$ γένος), обстоятельства рождение героя ($\tau\grave{\alpha}$ περὶ τῆς γενέσεως), его природные качества, способности ($\tau\grave{\alpha}$ περὶ φύσεως), образование (ἀνατροφή), образ жизни, нрав (ἠλιτηδεύματα), деяния героя (πράξεις), его судьба ($\tau\grave{\alpha}$ τῆς τύχης). Завершался энкомий сравнением (σύγκρισις) и эпилогом (οἱ ἐπίλογοι).

В эпоху императора Константина Великого (272–337) литературная форма античного энкомия легла в основу нового литературного жанра – энкомия христианского [11, р. 77–95]. Именно этот жанр был использован в ранних агиографических произведениях, посвящённых Иоанну Златоусту: в «Диалоге» Палладия Еленопольского [2] и в «Надгробном слове» Псевдо-Мартрия Антиохийского [3]².

² Это произведение представляет собой надгробную речь, прочитанную или произнесенную после того, как в Константинополе было получено известие о кончине

Подобно этим произведениям, «Житие» Псевдо-Георгия составлено в соответствии с правилами построения похвального слова, однако, по своей литературной форме оно значительно отличается от энкомиев, принадлежащих к ранней агиографической традиции. Отметим, прежде всего, что содержание многих его топосов подверглось изменению.

Например, если при раскрытии топоса τὸ **υένος** автор «Надгробного слова» вообще не придаёт значения знатности рода Иоанна [2, р. 47₂₂–48₅], автор «Диалога» лишь сообщает о его происхождении от благородных родителей [3, р. 104₁₈₉₋₁₉₁], то в «Житии» Псевдо-Георгия указывается, что Иоанн не просто родился в благородной семье, а что его отец был военным губернатором Сирии, то есть более высокопоставленным человеком в городе [1, р. 73]. **Этим агиограф стремится подчеркнуть особые достоинства своего героя, возвысить его.**

Если далее обратиться к раскрытию топоса **περὶ τῆς φύσεως**, то здесь, по сравнению с «Диалогом» и «Надгробным словом», где о детстве святого умалчивается, мы видим подробный рассказ о нраве юного Иоанна. Агиограф сообщает, что мальчик избегал детских игр и любил учение, а также вставляет повествование о том, что он, вопреки просьбе родителей, отказался по смирению ездить в училище на богатой колеснице [1, р. 73–76]. Очевидно, что включение в «Житие» этих рассказов, также как и рассказа об отце святого, имеет своей целью особо его прославить.

Топос **ἀνατροφῆ** в «Житии» Псевдо-Георгия, по сравнению с произведениями предыдущей агиографической традиции, также восполнен повествованиями, долженствующими ещё больше возвеличить святого. Если в произведениях ранней агиографии сообщается, что Иоанн учился в своём родном городе Антиохии, то согласно «Житию» Псевдо-Георгия он отправляется в Афины, чтобы получить там самое совершенное образование [1, р. 78–88].

То же самое можно сказать о топосе **ἐπιτηδεύματα**. В отличие от произведений Псевдо-Мартирия и Палладия, скупно рассказывающих о жизни Иоанна в монастыре, здесь мы находим подробные рассказы о монастырской жизни героя, демонстрирующие, что он не был простым монахом, но выдающимся подвижником и наставником монашеской братии [1, р. 94–107].

Раскрытие топоса **πράξεις** в «Житии» Псевдо-Георгия также вызывает большой интерес. Во-первых, здесь этот топос, в отличие от произведений

Иоанна Златоуста в ссылке. Согласно исследованиям Ф. ван Оммслега, этот литературный памятник был создан не Мартирием, епископом антиохийским, а неизвестным автором, по всей видимости, священником, учеником Иоанна Златоуста. «Надгробное слово» отражает умонастроения сторонников Иоанна Златоуста, оставшихся верными своему изгнанному епископу и оппозиционно настроенных по отношению к государственной и новой церковной власти [5, с. 47–52].

ранней агиографии, содержит описания многочисленных чудес святого [1, р. 97–99, 102–106, 116–123]. Описание чудес вообще является излюбленной темой житий святых, и чудеса становятся, подчас, основным свидетельством святости героя повествования [10, р. 49–50]³. Такими в «Житии» Псевдо-Георгия являются и чудеса Иоанна Златоуста, делающие его образ более ярким и славным, но, одновременно, затмевающие собой ту его святость, которая описана в произведениях ранней агиографии и заключается в многогранности и многообразии духовного труда святого.

Во-вторых, здесь содержится изображение добродетелей святого, которые в «Житии» Псевдо-Георгия, по сравнению с произведениями предыдущей агиографической традиции, приобретают иной характер. Если в памятниках ранней агиографии на первый план выставлены аскеза, проповедь, милосердие к страждущим, в том числе к прокаженным [2, р. 90–93], то в «Житии» Псевдо-Георгия акцент ставится на прямолинейном обличении Иоанном Златоустом персон, находящихся у власти, в частности, императрицы, которую он укорял за сребролюбие [1, р. 148–152, 167–172], что так же, как и чудеса, усиливает впечатление от его образа, но, по сути, является его упрощением и огрублением, по сравнению с памятниками ранней агиографии.

Такое изменение содержания топосов в «Житии» Псевдо-Георгия, по сравнению с ранними агиографическими произведениями, произошло благодаря включению агиографом в свое сочинение, наряду с фрагментами упомянутых выше аутентичных источников, народных легенд об Иоанне Златоусте.

Исследованию специфики легенд о святых посвящено исследование И. Делеэ «Агиографические легенды», в котором ученый определяет агиографическую легенду как повествование, основывающееся на искаженном историческом факте [10, р. 9–10]. Именно таковыми являются те рассказы, которые в «Житии» Псевдо-Георгия восполняют данные более ранних агиографических произведений: о высоком социальном статусе отца Иоанна Златоуста, о необычайном благочестии святого в детстве и отрочестве, о его поездке в Афины для совершенствования образования, о монашеской жизни и чудесах, об обличениях власть имущих и др. [5, с. 122–156]⁴.

³ И. Делеэ даёт объяснение того, почему описания чудес столь популярны для легендарных житий святых: «Мысль о невидимом водительстве Промысла не удовлетворяет; внутреннее действие благодати не предлагает ничего, что может быть зажато в руке, и таинственные беседы души с Богом должны быть превращены в осязаемый результат, чтобы произвести какое-либо впечатление на народный ум. Сверхъестественное производит впечатление только тогда, когда оно соединено с чудесным. Поэтому чудесное словно переполняет народные легенды» [10, р. 49–50].

⁴ В этом труде содержится подробный анализ легендарных сказаний, содержащихся в «Житии св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского.

Благодаря расширению традиционных топосов энкомия за счёт использования легендарных повествований, образ Иоанна Златоуста в «Житии» Псевдо-Георгия, с одной стороны, идеализируется, а с другой, становится более ярким, славным, запоминающимся, но, одновременно, более примитивным и упрощенным, и, благодаря этому, более понятным и доступным, в отличие от его интерпретации в произведениях ранней агиографии.

Использование легендарных повествований в качестве источников в «Житии» Псевдо-Георгия не только послужило задаче идеализации святого, но привело к изменению самого принципа изложения материала в этом произведении, по сравнению с памятниками ранней агиографии. Сравним это сочинение с «Надгробным словом» Псевдо-Мартирия Антиохийского, энкомием, который по своему характеру ближе к произведению Псевдо-Георгия, чем «Диалог» Палладия, обладающий сложной жанровой формой, в которой энкомий является лишь одним из компонентов [5, с. 27–41].

Одной из характерных черт «Надгробного слова» является расположение фактов из жизни святого в свободном порядке. Некоторые из них опущены, о некоторых мы находим лишь краткое упоминание, и тот или иной факт привлекается автором лишь в том случае, если он необходим ему для раскрытия мысли.

Псевдо-Мартирий полностью опускает рассказ о родителях святого, о его детстве, о его отказе от светской карьеры и решении всецело посвятить себя церковному служению. Мы встречаем здесь лишь краткие и отрывочные упоминания о таких событиях жизни Иоанна Златоуста, как его встреча с епископом Мелетием Антиохийским, его уход в монастырь и монашеская жизнь.

Последовательность изложения событий в «Надгробном слове» нарушена. Например, рассказ об аскетическом подвиге Иоанна предваряет рассказ о его крещении, хотя в действительности оно предшествовало жизни святого в монастыре. Повествование об обличении Златоустом арианина Гаины помещается после упоминания о том, что епископ Александрийский Феофил прибыл в Константинополь, в то время как на самом деле первое событие произошло раньше второго. Повествование о таком деянии Иоанна Златоуста, как строительство им больницы для прокажённых в Константинополе, предваряется изложением истории собора «у Дуба», на котором святой был низложен, хотя строительство больницы совершалось раньше низложения епископа. Рассказ о том, как враги Златоуста прибегли к использованию против него церковных канонов, составленных еретиками-арианами, помещён после повествования о военном нападении на богослужebное собрание сторонников Златоуста в пасхальную ночь, а на самом деле эти события совершались в обратном порядке.

Итак, Псевдо-Мартирий не ставит целью подробно и последовательно описать жизнь своего героя, но стремится, прежде всего, следуя принципам жанра энкомия, восхвалить его, прибегая для этого к избранным фактам его биографии.

Напротив, «Житие» Псевдо-Георгия представляет собой последовательное и подробное повествование о жизни Иоанна Златоуста. Оно начинается с рассказа о рождении Иоанна, о его родителях, затем повествует о детских и отроческих годах героя, после этого сообщается о его юности, о желании стать монахом, затем следует подробное повествование о монастырской жизни и вслед за этим – о рукоположении в сан диакона, а затем в сан пресвитера. Далее мы читаем о рукоположении Иоанна во епископа и обо всём, что произошло в Константинополе в период его предстоятельства. Вслед за этим Псевдо-Георгий переходит к теме суда над Златоустом, его низложения, ссылки, возвращения, второй окончательной ссылки, кончины и тех событий, которые последовали за ней.

Псевдо-Георгию было бы трудно составить столь подробное повествование о жизни святого, если бы он не использовал легендарные повествования, поскольку историко-литературные источники не дают подробных сведений о некоторых периодах жизни святого, и к легендарным повествованиям Псевдо-Георгий прибегает в тех случаях, когда стремится восполнить содержание источников историко-литературных. В качестве примеров легендарных повествований, с помощью которых автор восполняет рассказ о Златоусте, включённый в историко-литературные источники, назовём уже упоминаемые рассказы о детстве Иоанна, о его монашеской жизни, подвигах, многочисленных чудотворениях и др.

Помимо того, что «Житие» Псевдо-Георгия, в отличие от энкомиев, принадлежащих ранней агиографической традиции, представляет собой подробное жизнеописание героя, другим его отличием от них является занимательность и назидательность.

«Надгробное слово» Псевдо-Мартирия является серьёзным чтением. В нём поставлены важные философские, богословские и нравственные вопросы, требующие глубоких размышлений, для чего автор прибегает к многочисленным авторским отступлениям.

Например, говоря о начале противостояния Златоуста и его врагов, он образно стремится объяснить, почему Бог допустил, чтобы враги восстали против епископа. Он сравнивает противоборство между Иоанном и его врагами с Олимпийскими играми, в которых лучший борец не получит венца, если не вступит в борьбу с противниками [2, р. 69₂₋₁₆].

Другим примером авторского отступления могут послужить вложенные в уста дьяволу слова, о том, как лучше погубить Иоанна: «Что мне сле-

дует сделать? [...] Поразить пастыря, ибо таким образом быстро рассеялись бы овцы» (Τί οὖν βέλτιον εἶναι ἐμοὶ δοκεῖ; Πατάξαι τὸν ποιμένα· οὕτω γὰρ ἂν ταξέως διασκορπισθεῖ τὰ πρόβατα) [2, p. 74₆₋₇]. И дальше следует пространное рассуждение о тех средствах, которые для этого намерен использовать диавол [2, p. 74₇–75₂].

Приведём в качестве ещё одного образца авторского отступления сравнение суда над сторонниками Иоанна Златоуста, которых обвиняли в поджоге храма св. Софии в Константинополе, с судом мудрого царя Соломона, решившего спор двух женщин о том, чей ребенок живой, а чей мёртвый (3 Цар. 3:16-28). Поведение Иоанна Златоуста Псевдо-Мартирий сравнивает с поведением матери живого ребёнка, готовой ради спасения его жизни отказать от него и уступить его другой женщине.

Приведя это сравнение, Псевдо-Мартирий начинает рассуждать, чем же отличался несправедливый суд над сторонниками Златоуста от мудрого суда Соломона: «Но вот то, что изменилось в суде. Ведь щадящий детей и воистину являющийся отцом был изгнан, а тот, кто жаждет их убийства, сочтен отцом. Ибо в то время судьей был не молодой Соломон, сын Давида, а старый, сын Астарты» (“Τὰ δὲ τῆς κρίσεως ἐξηλλαγμένα. Ὁ μὲν γὰρ φειδόμενος τῶν τέκνων, καὶ ὢν ἀληθῶς πατήρ, ἀπηλαύνετο, ὁ δὲ φονῶν κατ’ αὐτῶν, οὗτος πατήρ λελόγιστο. Οὐ γὰρ ἦν ὁ δικάζων τότε Σολομῶν ὁ νεός, ὁ τοῦ Δαυὶδ παῖς, ἀλλ’ ὁ παλαιὸς ἐκεῖνος, ὁ τῆς Ἀστάρτης υἱός”) [2, p.132₉₋₁₇].

«Житие» Псевдо-Георгия носит совершенно иной характер. Его автор стремился не побудить своих читателей к серьёзному и глубокому размышлению, а, прежде всего, предлагает им увлекательное повествование. К решению задачи увлекательности, подобно задаче подробного и последовательного повествования, Псевдо-Георгий приходит, также используя легендарные источники. При этом – именно те легендарные сказания о Златоусте, которые содержат острые сюжетные коллизии. Таково, например, повествование о винограднике вдовы Феогноста, занимающее центральное место в «Житии» и являющееся остросюжетной увлекательной новеллой.

Вот её содержание. Благочестивого сенатора Феогноста из зависти оклеветал перед императором Аркадием другой сенатор, Гай, по вероисповеданию арианин. Император, поверив, приказывает изгнать Феогноста в Фессалоники, конфисковать всё его имущество, оставив его жене и детям один виноградник. По дороге в ссылку Феогност умирает. Его вдова пришла за помощью к Иоанну Златоусту, который утешил её и решил, что будет ходатайствовать за вдову перед императором. В это время наступил сезон сбора винограда. Императрица отправилась за город обозреть свои угодья и, случайно войдя в виноградник вдовы, находящийся по соседству с её виноградниками, вкусила от сорванного там плода. В то время существовал

закон, согласно которому, если царственная особа вступит на территорию чужого владения и вкусит от его плодов, то это владение переходит в её собственность. Поэтому, когда императрица узнала, что этот виноградник принадлежит вдове Феогноста, она приказала приписать его себе, желая, с одной стороны, досадить вдове, поскольку она обратилась за помощью к ненавистному ей епископу, обличавшему её пороки, а с другой, спровоцировать с ним конфликт, чтобы иметь повод низложить его с престола. Златоуст, услышав о произошедшем, потребовал от императрицы вернуть виноградник. Когда она отказалась это сделать, он, обратившись к ней, назвал её новой Иезавелью (3 Цар. 21). В ответ на это императрица, оскорбившись, приказала изгнать епископа из дворца, а он, в свою очередь, повелел затворить перед ней двери храма, когда она придет туда [1, р. 191–196]. Чтение этой новеллы, без сомнения, должно заинтриговать читателя, вызвать его интерес к житию.

И это не единственное увлекательное повествование в «Житии» Псевдо-Георгия. Подобными повествованиями являются, к примеру, рассказы о патриции Феодорихе [1, р. 148–151], о вдове Каллитропе [1, р. 167–171], об отлучении Римским Папой от причастия императора и императрицы и о покаянии императора и наказании им виновных в изгнании Иоанна Златоуста [1, р. 263–272], также составленные на основе легендарных источников.

Наряду с увлекательностью, произведение Псевдо-Георгия назидательно. Прежде всего, дидактичен сам идеализированный, но одновременно упрощённый, приближенный к уровню народного восприятия образ героя повествования, поскольку он представлен как наглядный пример добродетели. Помимо этого, «Житие» содержит множество фрагментов, носящих дидактический характер. Например, повествование о том, как юный Иоанн отказался ездить в училище в сопровождении слуги на богатой колеснице, является наглядным уроком смирения, а повествование об обращении в христианство язычника Анфимия [1, р. 78–88] показывает всю несостоятельность язычества перед христианством. Такую же роль играет рассказ об исцелении язычника-солнцеклонника в Армении [1, р. 238–239]. Рассказ о первой проповеди Иоанна Златоуста в Константинополе [1, р. 129–132] учит тому, как император должен относиться к своему христианскому долгу. Подчеркнём, что все эти повествования также созданы на основе легендарных источников.

Таким образом, «Житие св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия Александрийского в литературном отношении значительно отличается от «Надгробного слова» Псевдо-Мартирия Антиохийского. В произведении Псевдо-Георгия усилена идеализация героя повествования. Само повествование гораздо более подробное, события изложены не в тематическом, а в хронологическом порядке, а также ярко представлен элемент заниматель-

ности и назидательности повествования. В силу этих особенностей «Житие св. Иоанна Златоуста» – это не энкомий, главной целью которого является похвала святому, а биография, подробное повествование о жизни святого. Хотя в «Житии св. Иоанна Златоуста», в сравнении с «Надгробным словом», идеализация и восхваление героя приумножены, но на первый план в нём выступает не похвала, а занимательный и назидательный рассказ.

Итак, как показало исследование, главным фактором, повлиявшим на формирование жанра «Жития св. Иоанна Златоуста», были легендарные повествования об этом святом, благодаря использованию которых агиограф, с одной стороны, составил подробный и последовательный рассказ о его жизни, а с другой, придал этому рассказу занимательный и дидактический характер.

Последующая агиографическая традиция Иоанна Златоуста развивалась под непосредственным влиянием «Жития св. Иоанна Златоуста» Псевдо-Георгия, которое стало парадигмой для возникших позже памятников, и все жанровые особенности, ему свойственные, присущи и памятникам более позднего периода.

Источники и литература

Источники:

1. Douze récits byzantins sur saint Jean Chrysostome. Publiés par François Halkin. – Bruxelles: Société des Bollandistes, 1977. – P. 69–285.
2. *Ommeslaeghe F. van.* Martyrius van Antiochie. Tekstuitgave met Commentaar Hoofdstukken uit de Historische Kritiek: PhD diss. – Louvain, 1974. – XI, 322 p.
3. Palladios. Dialogue sur la Vie de Jean Chrysostome. T. I / introduction, texte critique, traduction et notes par A.-M. Malingrey et Ph. Leclercq / Sources Chrétiennes, 341. – Paris : Les éditions du Cerf, 1988. – 451 p.
4. Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia with the Latin translation of Valesius in 3 vols / Ed. R. Hussey. – V. 2. – Oxford, 1853. – 887 p.

Литература:

5. *Балаховская А.С.* Иоанн Златоуст в византийской агиографической традиции (V – X вв.). – М.: Тезаурус, 2013. – 300 с.
6. Antonopoulou Th. – Paschalidis S. Ένα ανέκδοτο κείμενο της μεσοβυζαντινής αγιολογίας: ο Βίος του Χρυσοστόμου του Νικήτα Παφλαγόνας // Λογία και δημόδης γραμματεία του ελληνικού Μεσαίωνα. — Θεσσαλονίκη, 2002. – Σ. 111–122.
7. *Baur Ch.* Georgius Alexandrinus // Byzantinische Zeitschrift. – 1927. – S. 1–16.
8. *Baur Ch.* St. John Chrysostom and His Time. 2 vol. – Westminster, Maryland: Md. Newman Press, 1959–1960. – P. 137–154.
9. *Baur Ch.* S. Jean Chrysostome et ses oeuvres dans l'histoire littéraire (Recueil de travaux publiés par les membres des conférences d'histoire et de philologie. 18 fascicule). – Louvain-Paris, 1907. – 312 p.

10. *Delehaye H.* The Legends of the Saints. An Introduction to Hagiography. – Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 1961. – XVI. – 253 p.

11. *Delehaye H.* Les passions des martyrs et les genres littéraires. – Bruxelles: Bureaux de la Société des Bollandistes, 1921. – 452 p.

12. *Devos P.* Approches de Pallade a travers le Dialogue sur Chrysostome et l'Histoire Lausiaque. Deux oeuvres, un auteur // *Analecta Bollandiana*. – T. 107. – Bruxelles, 1989. – P. 243–266.

13. *Halkin F.* Un appendice inédit a la Vie de S. Jean Chrysostome par Syméon Methaphraste // *Analecta Bollandiana*. – T. 94. – Bruxelles, 1976. – P. 19–21.

14. Menander Rhetor / Ed. with translation and commentary by D.A. Russell and N.G. Wilson. – Oxford: At the Clarendon Press, 1981. – 390 p.

15. *Ommeslaeghe F, van.* Que vaut le témoignage de Pallade sur le procès de S. Jean Chrysostome // *Analecta Bollandiana*. – T. 95. Bruxelles, 1977. – P. 389–441.

16. *Ommeslaeghe F, van.* Jean Chrysostome en conflit avec l'impératrice Eudoxie. Le dossier et origines d'une legend // *Analecta Bollandiana*. – T. 97. – Bruxelles, 1979. – P. 131–159.

17. *Ommeslaeghe F, van.* Jean Chrysostome et le peuple de Constantinople // *Analecta Bollandiana*. – T. 99. Bruxelles, 1981. – P. 329–340.

18. *Ommeslaeghe F, van.* Chrysostomica. La nuit de Pâque 404 // *Analecta Bollandiana*. – T. 110. – Bruxelles, 1992. – P. 123–134.

19. *Paschalides S.A.* Νικήτας Δαβίδ Παφλαγών. Το πρόσωπο και το έργο. Συμβολή στη μελέτη της προσωπογραφίας και της αγιολογικής γραμματείας της προμεταφραστικής περιόδου. [Βυζαντινά κείμενα και μελέται]. – Θεσσαλονίκη: Κέντρο Βυζαντινών Ερευνών, 1999. – 351 ς.